

Максим Горький

Об избытке и недостатках

Максим Горький

Об избытке и недостатках

«Public Domain»

1934

Горький М.

Об избытке и недостатках / М. Горький — «Public Domain»,
1934

«Мы шагали просёлочной дорогой среди полей, раздетых осенью, нищенски разрезанных на мелкие кусочки; озорничал неприятный ветерок, толкая нас в затылки и спины, хлопотливо собирал серые облака, лепил из них сизоватую тучу, по рыжей щетине унылой земли метались тени, шевеля оголённые кусты, как будто желая спрятаться в них. Когда мы были в полуверсте от небольшой деревни, туча вдруг рассыпалась мелким, но густым и холодным дождём...»

Максим Горький

Об избытке и недостатках

Мы шагали просёлочной дорогой среди полей, раздетых осенью, нищенски разрезанных на мелкие кусочки; озорничал неприятный ветерок, толкая нас в затылки и спины, хлопотливо собирал серые облака, лепил из них сизоватую тучу, по рыжей щетине унылой земли метались тени, шевеля оголённые кусты, как будто желая спрятаться в них. Когда мы были в полуверсте от небольшой деревни, туча вдруг рассыпалась мелким, но густым и холодным дождём.

– Бежим! – скомандовал мой спутник Григорий Иванович, длинный, тощий человек, с костлявым лицом угодника божьего; на его лице серой кожи, в морщинах глубоких глазниц и под кустиками седых бровей прятались маленькие, очень сердитые и докрасна воспалённые глаза. Он себя называл рядовым железнодорожного батальона, но гораздо больше был похож на дьячка, в общем же – «человек бывалый», битый, мятый, сильно огорчённый жизнью и привыкший сердиться на все случаи. До деревни бежали мы во всю силу, но достигли её, конечно, мокрыми, точно утопленники. Попросились обсушиться в одну избу, которая посolidнее, в две, в пяток, но никуда не пустили на очень простом основании:

– Много вас, таких, шляется!

– Чтоб вам издохнуть, – пожелал домохозяевам Григорий Иванович.

А дождь буйствовал всё сильнее, мы прислонились под воротами большой избы с двором, покрытым тёсом, стоим, мокнем, и вдруг из дождя явился невысокий, коренастый мужчина, такой же сплошь оближенный дождём, как и мы.

– Вы чего тут жмётесь – весны ждёте? – спросил он весёлым голосом. Мне стало интересно, а вместе с тем и досадно, что в такую погоду человек шутит. В ответ на угрюмые слова солдата: «Никуда не пускают!» – он предложил:

– Айда ко мне!

Говорил он крикливо, как глухой, и весело, точно пьяный. Весёлость эта противоречила не только погоде, но и одежде мужика: на нём отрёпанный кафтан, одной полой его он прикрывал голову, под кафтаном – ситцевая рубаха неуловимого цвета, из-под рубахи опускаются портки синей пестряди, ступни ног – босые; мне показалось, что дождь вымочил его ещё более безжалостно, чем нас. Солдат спросил:

– А ты, хозяин, чего же гуляешь?

– В село ходил, к знахарке, недалеко, версты четыре, – охотно ответил он. – Девчоночка у меня чего-то занедужила. «Хозяин!» – усмешливо воскликнул он, сбросив полу кафтана с головы и обнаружив рыжеватые кочья, должно быть, очень жёстких волос, – даже дождь не мог причесать их. – Какой же я хозяин, драть те с хвоста? Хозяева в сапогах ходят.

Широкоплечий, длиннорукий, он, видимо, был силач, шагал по цепкой грязи легко, быстро и всё спрашивал: кто мы, откуда, куда?

– Вот к тебе идём, – ответил солдат сразу на десяток вопросов.

– Пожалуйте, милости прошу, я – гостям рад, – сказал весёлый мужичок тоном человека, которому есть где принять, есть чем покормить гостей, и этот его тон заставил солдата насмешливо спросить:

– Выпил маленько?

– Непьющий. Не оттого, что тятя-мама запретили, а – душа не принимает. Даже запахом водочки недоволен я...

– Весёлый ты, – угрюмо заметил солдат.

– Слезой горя не смоешь. Лезьте через плетень, ближе будет.

Перелезли через плетень, вышли огородом на берег речки, в сажень шириною, соскользнули по взмыленной дождём глине к избёнке в два окна, без двора, с будочкой отхожего места

среди зарослей картофельной ботвы. В пазах избы наляпана глина, солома на крыше взьерошена ветрами, прикрыта хворостом, хребет крыши пригнулся, как бы под тяжестью кирпичной трубы.

«Особнячок не из пышных, – подумал я. – Внутри, должно быть, тесно и грязно».

Переступив порог двери, мы очутились в маленьких сенях, и сразу стало понятно, что это – предбанник. На лавке у окна сидела старуха в холщовой рубахе; широко расставив голые ноги, цвета сосновой коры, она расчёсывала редким деревянным гребнем космы седых волос; при входе нашем взмахнула головой, точно испуганная лошадь, руки её ушли на колени, и она плачевно, испуганно заныла:

– Господи, царица небесная, что уж это? Опять ты, Егорша, привёл кого-то...

Шлёпнув на пол мокрый кафтан, Егорша хозяйственно и ласково заговорил:

– Не страдай, мамаша, не беспокой себя, прихорашивайся, знай, – женихи появились!

Ну, прохожие, вы сбросьте лишнее здесь, а то – намочите в избе...

– Ну куда ты их денешь? – ныла старуха.

– Найдём место. Входите, гости. Старухи – они только ворчать способные...

– Эх, паяц! – вздохнув и безнадежно качая головой, сказала старуха, а я попросил у Егорши разрешения повесить мокрую одежонку нашу на чердаке.

– Валяй! – одобрил хозяин.

Влезли мы на чердак, там дождь сечёт крышу, ветер шелестит соломой и хворостом, пошвистывает, нащёптывает что-то горестное.

– Правильно ведьма назвала его – паяц, – ворчит в сумраке солдат, развешивая одежду. – Да и жулик, должно быть. Жаль, чаю-сахару нет у нас, а то – самовар бы...

Сходя вниз, он предусмотрительно захватил с собой тяжёлую свою котомку. Внизу, в бане, было ещё более сумрачно, серые стёкла окна впускали в тесную комнатку неприятно тёплую муть тяжёлого запаха. Хозяин колыхался у стола, заправляя жестяную, маленькую лампу; посмотрев на гостей, он сказал:

– Один – вроде шуки, а другой похож на окуня. Ну, садитесь...

Из бани сделали жилую комнату очень просто: полук заменял полати, под полатами – нары и постель хозяев, на ней, в углу, уже совсем в темноте, кто-то шевелился. Печь приспособили для стряпни, подняв её под, а для житья на ней – сломали каменку. На шестке печи сидела кошка, нелюдимо сияли зелёные глаза, с полатей свешивалась и точно таяла в сумраке чья-то маленькая белая голова, в переднем углу, на лавке, под грудой тряпья дышало, тихонько всхрипывая, тоже что-то маленькое. Хозяин зажёл лампу, укрепил её на гвозде, вбитом в стену, помазанную мелом, скудный огонёк лампы осветил новенькие, ещё не затоптанные грязью жёлтые заплатки на прогнившем полу. При огне всё как-то странно сдвинулось, сомкнулось теснее, образовался какой-то скорбный уют и вызвал у меня сердитый вопрос:

«Это – жизнь?»

– Ну, как будем жить? – спросил хозяин, точно подслушав мои мысли, и весёлый его голос заставил меня подумать, что стеснённый человек этот играет на удалство.

– Хорошо бы теперь чайку хлебнуть, – продолжал он, – да самовара нету у нас.

– Чаю, сахару тоже нет, – спокойно, сочным голосом дополнили из-под полатей.

– Это хозяйка моя голос подаёт, – объяснил Егорша. – А картошки не дашь, Палага?

– Картошек из-за дождя не успели нарыть.

– Так. Ну, – хлеба, соли дай. Хлеб да вода – богатырская еда.

– Тятя, – позвал с полатей тихий голосок.

– Эх вы, жители, – пренебрежительно сказал солдат.

– Не нравимся? – спросила хозяйка, выступая на свет и застёгивая кофту на груди. – Тогда – может, к другим пойдёте?

Вопросы её прозвучали не задорно, не обиженно, однако с явным чувством своего хозяйского достоинства. Я обозлился на солдата, а он, должно быть, испугался, что выгонят нас в дождь и в ночь. Он был скупой человек, но тут, смягчив свой деревянный голос, примирительно сказал:

– Ты, хозяйка, не беспокойся, еда у нас есть.

Нахмутив тёмные брови, женщина задумчиво посмотрела на солдата, на меня.

– Ну, вот и поешьте, – разрешила она равнодушно и, пройдя в передний угол, наклонилась там, разбирая тряпьё. Была она небольшая, плотненькая, на круглом, красноватом лице под высоким и выпуклым лбом серьёзно светились овечьи глаза, широко расплывшиеся нос и толстые губы делали её лицо некрасивым, но было в нём – в глазах её – что-то приятное, заставившее подумать: «Не глупая». И в лице и в её фигуре заметно было нечто общее с мужем; Егорша тоже светлоглазый, курносый, скуластый, беззаботно курчавая борода не придавала его лицу особенного мужества. Стоя в углу, около печи, он говорил:

– Куда же ты, Яшук, сикаешь? Ты, брат, мимо лохани, не слышишь?

Белоголовый, тощенький мальчик слабо сказал что-то, но слов его не слышно было за словами отца.

– Вот, прохожие, у парня – глаза мокнут, вроде бы гниют. Не знаете средства против глаз? Мокнут и мокнут, – что ты будешь делать!

– В больницу вези, – посоветовал солдат.

– Возить нам – не на чем. Мы, брат, сами возим желающих, – говорил Егорша, помогая сыну влезть на полати. – В больницу я его водил даже три раза. Капали ему капли в глаза, промыванье дали – не помогло! Нет, не помогло, – повторил он и впервые тяжело вздохнул, наблюдая, как солдат вынимает из котомки половину буханки солдатского хлеба, куски пирога. – Нет, уж я так думаю: положено ему ослепнуть. Вот и девчоночка тоже – горячка у неё четвертые сутки. Простудилась, хрипит... как она там, Палага?

Но, не дожидаясь ответа жены, он с радостным удивлением вскричал:

– Это – что же? Свинина?

– Ветчина, – поправил солдат.

– Богато живёте! Палага – гляди: ветчина.

Хозяйка, улыбаясь, подошла к столу:

– Кусище какой! Ба-атюшки...

– Каких же денег это стоит?

Солдат решил быть весёлым.

– Не куплено, крадено, – сказал он. Егорша не поверил.

– Будто – слямзил? Врё-ешь!

– Верное слово.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.